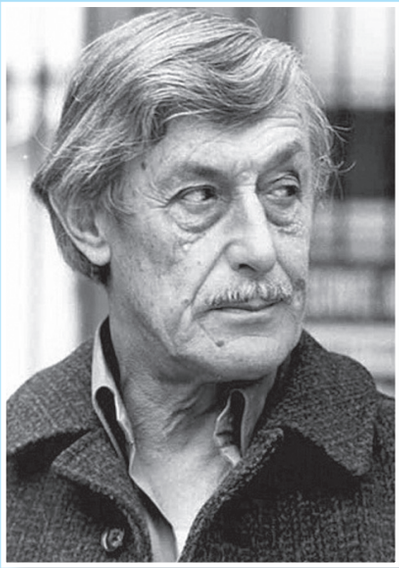
К 105-летию со дня рождения

В. П. Некрасова

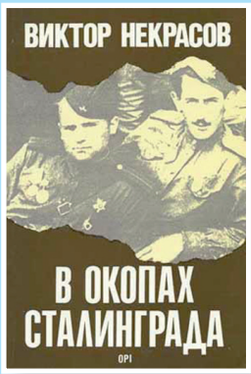


В. П. Некрасов (1911–1987)

Я люблю книгу Виктора Некрасова «В окопах Сталинграда». Я люблю ее за правду и смелость и еще за то, что называется «воздухом вещи»... Бывают книги, оставляющие после своей смерти лишь воспоминания о душераздирающих обстоятельствах, лужах крови, о персонажах, лиц которых мы уже не помним и не можем помнить в силу бесхарактерности их. Есть и такие, которые вспоминаются как отшумевший недельный скандал с пошловатым оттенком. Есть неплохие книги, но живут они одним героем или одной гениальной деталью. Но есть книги, строгие и ясные, суровые и простые, прочно стоящие на вашей полке среди погасших имен, – эти книги ждут вас, как встреча с юностью. Эти книги обязательно перечитываются. Они, как кристально чистая переливающаяся капля дождя на зеленом листе, капля, в которой светятся, играют и солнечные, и черные, и радостные, и грустные краски окружающего мира. Это не мутная, это чистая, естественная капля писательского «я». Из всех книг о войне – и наших, и западных, которые мне приходилось читать, – я не встречал похожей на «В окопах Сталинграда» по своему чистому светло-грустному тону. Это так, и этому нужно отдать должное, не задевая ничьих самолюбий... Все – начиная от эпизодов отступления, когда начштаба Максимов, отдавая приказ, машинально рисует на листе бумаги женскую головку, вплоть до молоденького сержанта в конце книги, ведущего пленных немцев Волгу посмотреть, – все проникнуто правдивой и пронзительно-молодой интонацией. И в этом – неиссякающая свежесть книги.

Будучи студентом, я впервые прочитал книгу Некрасова, когда еще очень близки были запахи и огонь боев, и меня удивило тогда, что о самых трагических обстоятельствах войны можно написать так лирически и молодо, без нажима на кровь и горы трупов, но ничего не приукрашивая. Позднее я понял, что не герой Некрасова проходит через войну, трафаретно мужая, как это бывало во многих романах, а война проходит через героев Некрасова, трогая все струны его характера. И это придает книге глубину, непреходящую достоверность... Странное дело: читая Некрасова, я узнавал офицеров и солдат, которых никогда не знал, но знал других, абсолютно схожих. Я слышал в книге солдатские разговоры, которые слышал тысячу раз и помнил их... Все это было со мной. Все было и так, и чуть иначе. И все-таки это было со мной, с другими. С тысячами таких, как я. Разве не в этом правдивость книги?

Ю. Бондарев. «Молодость чувств»

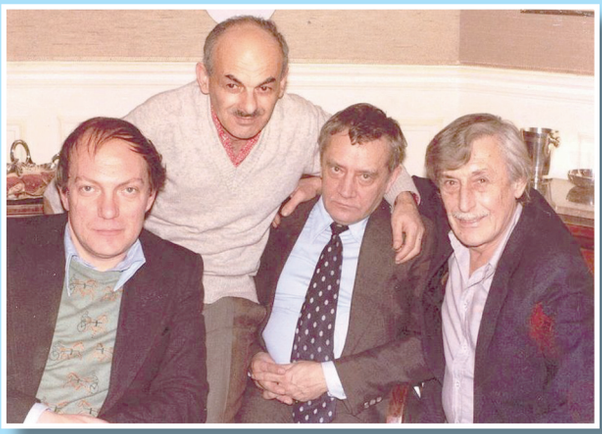


Тем, кто видел Виктора Некрасова в последние годы, рассказывают, был он совершенно седой. А для меня и зрительно, и в памяти остался он молодым, его отличала та свобода духа, которая свойственна молодости; в иерархическом обществе для него не существовало ни рангов, ни чинов. Вот два его воспоминания разных лет. Первое – из войны, из окопов Сталинграда: «Милый, милый Киев!.. Как соскучился я по твоим широким улицам, по каштанам, по желтому кирпичу твоих домов, темно-красным колоннам университета. Как я люблю твои откосы днепровские! Зимой мы катались там на лыжах, летом лежали в траве, считали звезды, прислушивались к ленивым гудкам ночных пароходов... Как все это сейчас далеко! Как давно все это было, Боже, как давно!»

Он говорил, что, когда подступала тоска здесь, в эмиграции, в Париже, он шел в киоск, покупал газету «Правда», главную нашу газету тех времен, и проходила тоска, и веяло другими воспоминаниями: «Сейчас, вспоминая о Киеве, я вспоминаю не аллеи Царского сада и Владимирской горки, не Андреевскую церковь у крутого, заросшего кустарником откоса над притихшим вечерним Подолом, не днепровские пляжи с золотым песочком, а мрачное серое здание на Владимирской улице, где целую неделю меня допрашивал следователь по особо важным делам полковник Старостин, и подземный переход у Бессарабки, где схватили когда-то два дюжих товарища и отвезли на ночевку в соответствующее учреждение, ... Вспоминаются и девять вежливых «мальчиков», двое суток исследовавших содержимое моих шкафов и ящиков, и машины, упорно сопровождавшие меня по всем киевским улицам. И понял я, что родной, как мне казалось, «мой» Киев разлюбил меня».

Страна, которая десятилетиями изгоняла самых талантливых, лучшие умы гноила в лагерях и ссылках, обрекала на немоту самых преданных, неминуемо должна была прийти к тому, к чему она пришла.

Г. Бакланов. «Для всех, знавших тебя, ты жив»

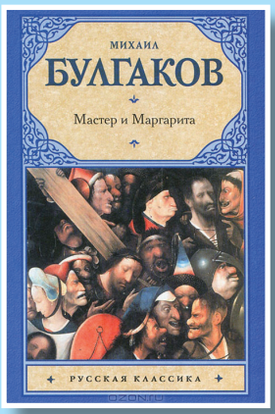


А. Гладилин, Б. Окуджава, В. Максимов, В. Некрасов. Париж, декабрь 1978 г. ***Фото В. Кондырева***

К 125-летию со дня рождения

М. А. Булгакова

ДИПЛОМЪ.



М. А. Булгаков (1891–1940)

Но пьесы («Дни Турбиных». – *Ред.*) был роман «Белая гвардия». Он лег в основу пьесы. Как же произошло ее рождение?.. Булгаков запер книгу романа в ящик письменного стола и решил никогда в жизни больше романа не читать и к нему не возвращаться. Но люди из романа уже жили своей жизнью. Их нельзя было изгнать из сознания. «Вьюга разбудила меня однажды, – пишет Булгаков. – Вьюжный был март и бушевал, хотя и шел уже к концу. И опять... я проснулся в слезах. Какая слабость, ах, какая слабость! И опять те же люди, и опять дальний город, и бок рояля, и выстрелы, и еще какой-то поверженный на снегу. Родились эти люди в снах, вышли из снов и прочнейшим образом обосновались в моей келье. Ясно было, что с ними так не разойтись. Но что же делать с ними? Первое время я просто беседовал с ними, и все-таки книжку романа мне пришлось извлечь из ящика. Тут мне начало казаться по вечерам, что из белой страницы выступает что-то цветное. Присматриваясь, щурясь, я убедился в том, что это картинка. И более того, что картинка эта не плоская, а трехмерная – как бы коробочка, и в ней сквозь строчки видно – горит свет и движутся в ней те самые фигурки, что описаны в романе». «...С течением времени камера в книжке зазвучала. Я отчетливо слышал звуки рояля... Играют на рояле у меня на столе, здесь происходит тихий перезвон клавишей. Но этого мало. Когда затихает дом и внизу ровно ни на чем не играют, я слышу, как сквозь вьюгу прорывается и тоскливая и злобная гармоника, а к гармонике присоединяются и сердитые и печальные голоса и ноют, и ноют». ...«Всю жизнь можно было бы играть в эту игру, глядеть в страницу. А как бы фиксировать эти фигурки? Так, чтобы они не ушли уже более никуда? И ночью однажды я решил эту волшебную камеру описать. Как же ее описать? А очень просто. Что видишь, то и пиши, а чего не видишь, писать не следует... Да это, оказывается, прелестная игра!.. Ночи три я провозился, играя с первой картинкой, и к концу третьей я понял, что сочиняю пьесу».

Я сознательно привел этот длинный отрывок. Как бы из игры, из воображаемого, но ясно видимого мира рождается пьеса. Это признание Булгакова – тонкое и лишенное какой бы то ни было тени абстракции – раскрывает сущность и развитие творческого процесса писателя, тот путь, каким Булгаков пришел к театру.

К. Паустовский. «Булгаков»

Булгаков артистически прочитал собравшимся... страницу. Я не помню ни имени этого никому не известного автора, ни даже того, о чем говорилось на этой странице, за исключением строк, встреченных хохотом зала... Что предшествовало злополучной странице и что следовало за ней – не знаю. Да из всей прочитанной Булгаковым страницы и запомнилось только, что Таня и Ваня, обнявшись, лежали в кустах и как настоящие (по мысли бедного автора) пролетарии шептались... о мировой революции...

– И вы выдаете это за образец рабочей, пролетарской любви? – возмущенно спрашивал Михаил Афанасьевич.

Нет-с. Извините. Булгаков отказывался признавать подобные вещи фактом русской литературы. И вдруг перешел к тому, что даже самого скромного русского литератора обязывает уже то одно, что в России было «явление Льва Толстого русским читателям»...

– После Толстого нельзя жить и работать в литературе так, словно не было никакого Толстого. То, что он был, я не боюсь сказать: то, что было явление Льва Николаевича Толстого, обязывает каждого русского писателя после Толстого, независимо от размеров его таланта, быть беспощадно строгим к себе. И к другим, – выдержав паузу, добавил Булгаков.

И только сейчас обнаружилось, что в зале сидит Серафимович.

– Однако и у Льва Николаевича бывали огрехи в его работе, – прозвучал вдруг голос Серафимовича. Михаил Афанасьевич напрасно считает, что у Льва Николаевича ни одной непогрешимой строки!

– Ни одной! – убежденно, страстно сказал Булгаков. – Совершенно убежден, что каждая строка Льва Николаевича – настоящее чудо. И пройдет еще пятьдесят лет, сто лет, пятьсот, а все равно Толстого люди будут воспринимать как чудо!

Э. Миндлин. «Молодой Булгаков»

Памятник М. А. Булгакову в Киеве